

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА / THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Редактор рубрики А. Г. Никитин / Rubric editor A. G. Nikitin

Научная статья
УДК 340.1:347.9

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.587-597>

А. В. СКОРОБОГАТОВ¹,

А. В. КРАСНОВ²

¹ Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

² Казанский филиал Российского государственного университета правосудия г. Казань, Россия

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Контактное лицо:

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-4391-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8894-1939, AuthorID: 112765

Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

E-mail: field08@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9934-4975>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3334013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3971-7305, AuthorID: 355813

Аннотация

Цель: комплексное теоретико-правовое исследование природы судебной практики.

Методы: методологической основой статьи является постклассическая рациональность, позволяющая исследовать судебную практику в контексте воздействия на регулирование общественных отношений и установить правовую природу этого явления. Это определило интеграцию методов, разработанных в юридической (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования) и иных гуманитарных науках (герменевтический, дискурсивный).

Результаты: в статье судебная практика рассматривается как индивидуальное правовое регулирование, т. е. деятельность уполномоченных судебных органов государства по рассмотрению и разрешению юридических дел, а также созданию индивидуальных правовых основ правомерного поведения субъектов общественных отношений. Авторы исходят из того, что судебная практика представляет собой единство познания, деятельности и результата, активно участвуя в конструировании правовой реальности. Это приводит к выводу о том, что судебная практика должна пониматься дихотомично – как деятельность судей, результатом которой является создание индивидуальных и обобщающих правовых актов, направленных на конструирование правовой реальности (специфичная форма правовой коммуникации), и как материальный источник права (совокупность обобщающих правовых актов (позиций судов), оказывающих правовое воздействие на сознание и поведение неопределенного круга одноименных субъектов).

Научная новизна: в статье впервые в отечественной юридической науке исследование судебной практики переведено с уровня отраслевого анализа на философско-правовой. При этом авторы подчеркивают междисциплинарный общегуманитарный характер судебной практики. Анализ и интерпретация судебной практики осуществлены на онтологическом и аксиологическом уровне правовой реальности. Это позволило выявить специфическую роль судебной практики в правовой системе как средства связи индивидуального и общего правового регулирования.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании судебной практики и ее роли в создании и функционировании российской правовой реальности, а также для совершенствования судебной деятельности всех уровней.

Ключевые слова: государство и право, судебная практика, форма права, источник права, интегративное понимание права, правовая реальность, правовая коммуникация

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая природа судебной практики // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 587–597. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.587-597>

The scientific article

A. V. SKOROBOGATOV¹,

A. V. KRASNOV²

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

² Kazan branch of Russian State University of Justice, Kazan, Russia

LEGAL NATURE OF JUDICIAL PRACTICE

Contact:

Andrey V. Skorobogatov, Doctor of History, Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-4391-2016>

Aleksandr V. Krasnov, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Theory of state and law, Kazan branch of Russian State University of Justice

E-mail: field08@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9934-4975>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3334013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3971-7305, AuthorID: 355813

Abstract

Objective: a comprehensive theoretical and legal study of the nature of judicial practice.

Methods: the methodological basis of the article is postclassical rationality, which allows studying judicial practice in the context of its impact on the public relations regulation and establishing the legal nature of this phenomenon. This determined the integration of methods developed in the legal science (formal legal, comparative legal methods, method of legal modeling) and other humanities (hermeneutical, discursive methods).

Results: the article considers judicial practice as an individual legal regulation, i.e. the activities of the authorized judicial bodies of the state aimed at consideration and resolution of legal cases, as well as the creation of individual legal foundations for the lawful behavior of subjects of public relations. The authors proceed from the fact that judicial practice is a unity of cognition, activity, and result, as it actively participates in the construction of legal reality. This leads to the conclusion that judicial practice should be understood dichotomically – as the activity of judges, the result of which is the creation of individual and generalizing legal acts aimed at constructing a legal reality (a specific form of legal communication), and as a material source of law (a set of generalizing legal acts (positions of courts) that have a legal impact on the consciousness and behavior of an indefinite circle of subjects of the same name).

Scientific novelty: in the article, for the first time in the Russian legal science, a study of judicial practice is transferred from the level of sectoral analysis to the philosophical-legal level. At the same time, the authors emphasize the interdisciplinary, general humanitarian nature of judicial practice. The analysis and interpretation of judicial practice are carried out at the ontological and axiological levels of legal reality. This allowed identifying the specific role of judicial practice in the legal system as a means of communication between individual and general legal regulation.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities when considering the essence and content of judicial practice and its role in the creation and functioning of the Russian legal reality, as well as for improving judicial activity at all levels.

Keywords: State and law, Judicial practice, Form of law, Source of law, Integrative understanding of law, Legal reality, Legal communication

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. (2022). Legal nature of judicial practice. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 587–597 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.587-597>

Введение

Постановка проблемы. Развитие современной России характеризуется транзитивностью, обуславливающей необходимость реформирования всех сторон социальной жизни не только материально, но и процессуально. Проводившаяся в начале XXI в. масштабная судебная реформа, которая явно затормозилась во второй половине прошлого десятилетия, была направлена не только на повышение эффективности правового воздействия судебной власти на обеспечение правопорядка, но и более четкое определение сущности и содержания судебной деятельности. Одним из проявлений судебной деятельности является судебная практика, многогранность которой в теоретическом и сравнительно-правовом аспекте не позволяет однозначно ее интерпретировать не только нормативно, но и доктринально. Один из наиболее часто возникающих при этом вопросов связан с определением правовой природы судебной практики, в том числе с выявлением ее принадлежности к формам (источникам права).

Анализ исследований и достижений. Судебная практика исследовалась в отечественной и зарубежной правовой науке в разных контекстах. С одной стороны, в фокусе внимания ученых оказались вопросы понимания правовой (юридической) практики в целом. В советской и российской науке можно выделить несколько позиций по поводу содержания правовой практики: как юридическая деятельность (И. Ю. Дюрягин [1. С. 160], Ю. И. Гревцов, И. Ю. Козлихин [2. С. 219]); только результаты юридической деятельности (С. С. Алексеев [3. С. 254]); сочетание первых двух позиций (С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров [4]). Указанные

точки зрения основывались в том числе на использовании понимания практики как общенаучной категории. Судебная практика предстает как разновидность или даже элемент юридической, а в обобщенном плане социальной практики (В. Н. Карташов [5. С. 19]).

В дальнейшем анализе были подвергнуты как вопросы судебной практики в целом в качестве разновидности юридической практики, так и тематика, связанная с отдельными ее компонентами. В первом случае, в частности, ее понятие формулировалось посредством включения в нее всех решений судов по индивидуальным делам (С. И. Вильнянский [6. С. 57, 60]) или только самых важных направлений, тенденций судопроизводства (А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин, А. Ф. Шебанов [7]). В свою очередь, А. К. Безина [8. С. 70, 72] и М. Н. Марченко [9. С. 106] обозначили окончательное формирование двух содержательных трактовок судебной практики в отечественной юриспруденции – так называемых широкой и узкой. Судейское правосознание и место судебных актов в системе форм и источников права исследовано в работах С. В. Бошно [10], П. А. Гука [11] (в том числе тематика судебных норм), В. В. Лазарева [12] (правовые позиции), судебная практика в контексте индивидуального правового регулирования рассматривается в трудах И. А. Минникова [13], в плане индивидуального судебного регулирования – в работах В. В. Ершова [14]. Судебная практика была комплексно осмыслена как на уровне теории права, так и отраслевых юридических наук [15]. Предприняты исследования судебной практики в постклассическом контексте в рамках диалогической теории права (И. Л. Честнов [16]) и концепции правовой реальности (А. В. Краснов, А. В. Скоробогатов [17]). Попытки комплексно исследовать концепт и феномен судебной практики в России предприняты в коллективной монографии «Судебная практика в правовой системе России» [18].

За рубежом вопросы судебной практики сводятся главным образом к исследованию места и роли судебных прецедентов в правовой системе (Р. Wesley-Smith [19], М. Zander [20]). Кроме того, в фокусе внимания оказывается практика судов стран континентальной Европы (А. L. Goodhart, D. N. MacCormick, R. S. Summers [21]), а также международных судов и качественного содержания их решений (Н. Thirlway [22]). Предприняты попытки анализа судебной практики в контексте конструирования социальной реальности (Р. L. Berger, T. Luckmann [23]). То есть можно констатировать то обстоятельство, что и в зарубежной науке исследование судебной практики не связывается исключительно с проблемами англо-американских прецедентов (D. Hellman [24]).

Как показывает проведенный обзор литературы, проблема судебной практики как в процессуальном, так и в материальном смысле неоднократно привлекала интересы ученых. Однако преимущественно проблема исследовалась на основании классической методологии, что способствовало некоторой односторонности выводов. Это ставит на повестку дня необходимость комплексного изучения категории судебной практики с позиций постклассической методологии.

Целью статьи является комплексное теоретико-правовое исследование природы судебной практики.

Методологически статья основана на постклассической рациональности, ориентирующей исследователя на междисциплинарность и построение знания концептуального уровня [25]. Обращение к постклассической методологии позволяет исследовать судебную практику в контексте воздействия на регулирование общественных отношений и определить правовую природу этого явления.

Результаты исследования

Будучи олицетворением и вербализацией деятельности управомоченных судебных органов по рассмотрению и разрешению правовых конфликтов, судебная практика представляет собой комплексный правовой феномен, исследование которого имеет не только гносеологическое, но также онтологическое и аксиологическое значение. Обращение к природе этого явления дает возможность не только глубже понять его содержание, но и выйти на уровень теоретических обобщений о сущности форм (источников) права. Это ставит на повестку дня изучение судебной практики не только категориально, но и функционально.

Судебная практика как феномен правовой реальности раскрывается через признаки.

Во-первых, субъектами судебной практики (как адресатами и адресантами правовой коммуникации) выступают исключительно суды как органы государственной власти. Что касается третейских судов и ар-

битражей, которые представляют собой общественные организации, то они также вносят некоторый вклад в судебную практику, однако значение правовых позиций, вырабатываемых ими, по масштабу регулируемых отношений и обеспеченности не могут быть поставлены в один ряд с государственными судами. Появление медиации как способа досудебного разрешения конфликтов не делает ее автоматически одним из видов судебной практики. Скорее можно говорить о попытке создания альтернативы, основанной не на позитивном, а на социальном праве. При этом формирование медиативного решения, в отличие от решения суда, является актом горизонтальной правовой коммуникации, в которой медиатор выступает не субъектом, а модератором.

Во-вторых, судебная практика осуществляется как основная функция суда, связанная с рассмотрением юридических дел, правовых споров путем правоприменения. Однако не любые акты судебных органов можно отнести к судебной практике, а лишь те решения судов, которые принимаются по результатам осуществления ими юрисдикционной деятельности.

В-третьих, деятельность по обобщению судебной практики должна быть санкционирована со стороны высшего представительного органа государственной власти определенным образом. В частности, в действующем законодательстве предусмотрена деятельность Президиума и Пленума Верховного Суда РФ по обобщению практики и даче разъяснений, однако формально их обязательность не установлена соответствующими нормами (ст. 4 и 5 ФКЗ «О Верховном Суде РФ»)¹.

В-четвертых, будучи создаваемой и применяемой в конкретных судебных делах в ситуации правовой неопределенности, судебная практика приобретает общерегулятивный характер. Поскольку при этом высшие суды, принимая решения, направленные на преодоление правовой неопределенности, связывают себя в последующем данной практикой при разрешении аналогичных дел, то судебная практика приобретает несвойственный ей горизонтальный характер. Однако это не означает, что при этом судебная практика становится конвенциональным результатом правовой коммуникации [26]. Речь идет лишь о признании отдельных судебных решений.

В-пятых, позиции суда как содержание судебной практики являются образцами последующих судебных решений, приобретая прецедентный характер. Вследствие этого судебная практика имеет форму вертикальной правовой коммуникации. Вышестоящий судебный орган, выступая в качестве адресанта, создает правовую информацию, обязательную для нижестоящих судов, которые выступают адресатами коммуникации. Эта обязательность может быть детерминирована как нормами процессуальных кодексов (ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ²; ч. 4 ст. 170 АПК РФ³, ст. 350 КАС РФ⁴), так и нормативными свойствами правовых позиций высших судов⁵.

В-шестых, в силу наличия у высших судов по Конституции РФ права законодательной инициативы (ст. 104)⁶ судебная практика может рассматриваться как прямое средство устранения правовой неопределенности и совершенствования юридических норм. Выступая адресантом правовой коммуникации, высшие суды конструируют в данном случае принципиально новую правовую реальность. Однако действуют не только легально,

¹ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 10.02.2014. № 6. Ст. 550.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

⁴ Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

⁵ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 // Российская газета. 15.01.2019. № 6.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

но и легитимно, положив в основу конструирования обобщение деятельности судов нижних инстанций как специфической формы обратной связи с социумом в процессе выявления дефектов правового регулирования.

Судебная практика является органическим единством трех основных компонентов: познания, деятельности и результата, которые в своих диалектических взаимопереходах создают относительно законченный цикл этого процесса. Данное правовое явление заключается, прежде всего, в деятельности судебных органов, интеллектуально или функционально связанной с рассмотрением и разрешением различных юридических дел (правовых конфликтов) в соответствии с нормативно закрепленной компетенцией. Эта деятельность направлена на осуществление правосудия как важнейшей государственной функции [27], а также на защиту субъективных прав и охраняемых законом интересов субъектов права [28]. Однако судебная практика не ограничивается процессуальным аспектом правовой коммуникации, а включает в себя и материальный аспект, т. е. транслируемую правовую информацию. Последний аспект выражается в аккумуляции и вербализации правового опыта судебной деятельности, который может быть выражен в разнообразных формах: от решения суда первой инстанции до обобщения судебной практики высшими судами.

Судебная практика играет существенную роль в конструировании правовой реальности. Во-первых, она оказывает непосредственное воздействие не только на процесс толкования юридических норм, но и на выработку правил толкования, тем самым детерминируя доктринальную рефлексию нормативных правовых актов [29]. Благодаря этому создаются условия для осуществления правовой коммуникации горизонтальной и вертикальной направленности на бесконфликтной основе. Во-вторых, осуществляемые в процессе судебной практики конкретизация и индивидуализация юридических норм способствуют сближению правотворческого и правореализационного уровня правовой реальности не только онтологически, но и аксиологически. Речь идет о воплощении в юридической деятельности ценностных детерминантов законодательно закрепленных правил поведения [30]. В-третьих, единый доктринальный подход к интерпретации юридических норм, выработанный судебной практикой, обозначает общий вектор ценностных ориентиров правосознания как правоприменителей, так и обычных граждан. В свою очередь, это способствует повышению правовой определенности и корреляции содержания судебных решений и социальных ожиданий [31]. Тем самым происходит усиление не только легальности, но и легитимности судебной практики [32]. В-четвертых, судебная практика способствует преодолению дефектов в правовом регулировании. Прежде всего, речь идет о преодолении пробелов и коллизий [33]. Если деятельность судов первой инстанции способствует преодолению лишь конкретных дефектов регулирования общественных отношений, то благодаря осуществляемым Пленумом Верховного Суда РФ обобщениям судебной практики формируются общие (типичные) правила решения пробельных и коллизионных ситуаций [34]. В условиях отсутствия соответствующей юридической нормы эти правила фактически приобретают нормативные свойства, обеспечивая обратную связь общего и индивидуального правового регулирования. В-пятых, судебная практика может иметь непосредственное конструктивистское воздействие на правовую реальность при применении судами первой инстанции для разрешения типичных ситуаций правоположений, сформулированных высшими судами [35]. Однако подобная ситуация возможна лишь при условии отсутствия прямого законодательного указания, создавая своеобразное «пространство для маневра» судебной практики [36].

Судебная практика является специфическим видом юридической деятельности, целью которой является индивидуальное правовое регулирование общественных отношений. Содержание этой деятельности раскрывается при анализе ее отдельных этапов, которые имеют не только хронологическое, но и функциональное значение. Началом судебной практики является выявление объективных общественных закономерностей, которые требуют правового регулирования. Сфера правового регулирования – это то социальное пространство, которое подчинено действию права. Пределы государственного воздействия в этом случае можно рассматривать с двух сторон: его возможности и его необходимости. Верхний предел правового воздействия на общественные отношения является пределом возможного. Отношения, которые находятся за ним, оказываются вне досягаемости государственной власти и регулируются неюридическими нормами. Нижний предел (необходимость вмешательства) определяется важностью для государства тех или иных общественных от-

ношений. Этот предел, особенно в условиях транзитивного общества, наиболее неустойчив и определяется правовой целью, артикулируемой референтными группами.

Для того чтобы в результате судебной практики адекватно отображались процессы, которые требуют правового воздействия, необходимо не только обнаружить, изучить, но и оценить объективные закономерности, которые направляют эти процессы. Эти действия можно рассматривать в качестве первого этапа судебной практики. Обязательной предпосылкой создания судебного акта является познание тех сложных условий, факторов и обстоятельств, общественных отношений, которые развиваются и трансформируются, правовое регулирование которых отсутствует и диктуется требованиями общественного прогресса. Познание правовой реальности в процессе судебной практики носит статично-динамичный характер, учитывая при рассмотрении конкретных правоотношений не только степень их соответствия юридической норме, но и субъективную сторону деяния, которая обусловлена фрагментацией реальности в сознании и (или) поведении индивида.

Осознание судом потребностей и цели правового регулирования конкретных общественных отношений приводит к переходу на второй этап судебной практики. При этом происходит переход от гносеологических аспектов практики к аксиологическим, связанным с достижением нормативно провозглашенной цели. Участие судебной практики в конструировании правовой реальности на этом этапе связано с формализацией и бюрократизацией его решений. В этом смысле ее можно рассматривать в качестве организационной формы институализации права [37].

Будучи направленным на упорядочивание социального взаимодействия, судебное решение способствует не только функциональной организации развития общества, но и преодолению фрагментации правовой реальности, выявленной на предыдущем этапе. При этом важно учитывать, что судебные решения имеют не только персонализированный, но и типический характер. С одной стороны, суд выносит решение в отношении конкретных субъектов в определенной ситуации, конкретизируя юридическую норму применительно к обстоятельствам дела. С другой – полное, всестороннее и объективное исследование фактических обстоятельств дела сопровождается толкованием нормы. Это позволяет сформировать как минимум в сознании судьи (как максимум, благодаря обобщениям судебной практики, в сознании граждан) образ решения, которое будет максимально способствовать разрешению подобного конфликта в дальнейшем и тем самым способствовать дефрагментации правовой реальности.

Таким образом, мы становимся свидетелем того, что судебная практика, выполняя главным образом правоприменительную функцию, тем не менее одновременно включается в процесс правообразования и способствует совершенствованию содержания нормативных правовых актов. Посредством формирования определенных правил толкования и применения юридических норм судебная практика способствует изменению возможных путей применения норм судьями, ориентируя их на некие сложившиеся варианты, тем самым осуществляя правовое воздействие на их сознание и принятие решений, хотя формально правоприменительные судебные акты, безусловно, не являются обязательными для других судов по аналогичным делам. В связи с этим применительно к российской правовой системе мы не можем говорить о судебном прецеденте как таковом в качестве формы права [38]. Однако обобщение некой системы судебных актов по определенной категории дел (связанной с применением юридических норм, как правило, принадлежащих отдельному правовому институту) представляет собой источник права, который способен повлиять на процессы применения права (через обобщенные варианты толкования и применения), а в дальнейшем – напрямую на содержание нормативных правовых актов, т. е. форм права.

В зависимости от роли в дефрагментации правовой реальности судебная практика может быть дифференцирована на индивидуально-правовую и обобщающую (практику общего характера). В первом случае судебный акт имеет юридическую силу лишь для конкретных субъектов. Во втором случае судебные акты приобретают значение для неограниченного круга лиц и ситуаций. Принятые при этом обобщающие решения можно обозначить как «позиции суда» [39. С. 21], об обязательности применения которых мы писали выше.

Общий характер ряда судебных актов позволяет говорить о том, что судебная практика выполняет функции именно источника, а не формы права, ориентируя субъектов на определенные варианты толкования и применения юридических норм. При этом преодолевается правовая неопределенность в форме коллизий и пробелов законодательства и формируется единообразный подход к разрешению аналогичных дел.

Выводы

Таким образом, судебная практика выступает комплексной философско-правовой категорией, природа которой опосредована не только нормативно, но и ценностно. Будучи специфичной формой правовой коммуникации, судебная практика детерминирует развитие и функционирование правовой реальности. С одной стороны, аксиологически судебная практика выступает в качестве механизма, посредством которого правовые ценности обретают конкретное бытие в правовом поведении субъектов, индивидуально отрегулированном судом. Суд совершает конструирование правовой реальности, так как общие и абстрактные нормы права превращаются в реальное поведение, рамки которого определяются судом; тем самым индивидуализация сочетается с типизацией на индивидуальном уровне. С другой стороны, созданные в процессе судебной практики обобщающие позиции судов оказывают правовое воздействие на сознание и поведение неопределенного круга одноименных субъектов и могут рассматриваться не только как регулятор поведения, но и как средство совершенствования юридических норм и нормативного правового регулирования в целом, так как высшие суды имеют право законодательной инициативы по Конституции РФ. Тем самым судебная практика одновременно и размыкает, и замыкает процессы правового регулирования, выступая связующим звеном между общим и индивидуальным, абстрактным и конкретным.

Список литературы

1. Дюрягин И. Ю. Применение норм советского права. Свердловск: Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1973. 248 с.
2. Гревцов Ю. И., Козлихин И. Ю. Энциклопедия права: учебное пособие. Санкт-Петербург: ИД Санкт-Петербургского государственного университета; Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского университета, 2008. 772 с.
3. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. Москва: Проспект, 2009. 576 с.
4. Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров. Москва: Юрид. лит., 1975. С. 3–17.
5. Карташов В. Н. Юридическая практика как объект (предмет) юридической науки // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 13–23.
6. Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. 339 с.
7. Правотворчество в СССР / А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин, С. А. Пяткина, А. А. Тилле и др.; под ред. А. В. Мицкевича. Москва: Юрид. лит., 1974. 319 с.
8. Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений // Избранное в 5 т. Т. 2. Москва: РАП, 2012. С. 65–202.
9. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. Москва: Проспект, 2009. 510 с.
10. Бошно С. В. Форма права: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 440 с.
11. Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2012. 49 с.
12. Лазарев В. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. Москва: Городец, Формула права, 2003. 528 с.
13. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 54 с.
14. Ершов В. В. Регулирование правоотношений. Москва: РГУП, 2020. 564 с.
15. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. Москва: ИЗиСП; Норма; ИНФРА М, 2017. 432 с.
16. Честнов И. Л. Юридическая практика с позиций постклассической методологии // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 164–168.
17. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Судебная практика в правовой реальности России: опыт комплексного исследования // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25, № 3. С. 545–561. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-545-561>
18. Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / под ред. Т. В. Губаевой, А. В. Краснова. Москва: РГУП, 2021. 160 с.
19. Wesley-Smith P. The Sources of Hong Kong Law. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1996. xlvii, 307 p.
20. Zander M. Cases and Materials on the English Legal System. 10th ed. N. Y.: Cambridge University Press, 2007. lxii, 861 p.
21. Interpreting Precedents: A Comparative Study / D. N. MacCormick, R. S. Summers, A. L. Goodhart (eds.). N. Y.: Routledge, 1997. xii, 585 p.

22. Thirlway H. The Sources of International Law. 2th ed. Oxford: Oxford University Press, 2019. xxii, 247 p.
23. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. N.Y.: Penguin Books, 1991. 250 p.
24. Hellman D. An Epistemic Defense of Precedent // Precedent in the United States Supreme Court / Ch. J. Peters (eds.). Dordrecht: Springer, 2013. Pp. 63–76.
25. Честнов И. Л. Постклассическая методология юридических исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76). С. 14–21.
26. Пужаев В. В. Закон и судебная практика как источники права в учении Эммануэля Леви // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 415–422.
27. Thomas E. W. The Judicial Process: Realism, Pragmatism, Practical Reasoning and Principles. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. ix, 444 p.
28. Griffiths J. The general theory of litigation: a first step // Zeitschrift für Rechtssoziologie. The German Journal of Law and Society. 2016. Vol. 4, Iss. 2. Pp. 145–201.
29. Нерсисянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права / отв. ред. Б. Н. Топорнин. Москва: ИГП РАН, 1997. С. 34–42.
30. Власенко Н. А., Залоило М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 43–57. DOI: <https://doi.org/10.12737/20902>
31. Аверин А. В. Правопонимание и юридическая практика // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4 (14). С. 19–36.
32. Mack K., Anleu S. R. Performing Impartiality: Judicial Demeanor and Legitimacy // Law & Social Inquiry. 2010. Vol. 35, Iss. 1. Pp. 137–173.
33. Гук П. А. Преодоление коллизий законодательных актов судебными органами: теория, техника, практика // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 132–134.
34. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовой пробел: феноменологические аспекты // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / отв. ред. Н. Н. Черногор. Москва: ИЗиСП; Юриспруденция, 2021. С. 77–92.
35. Головатый В. Я. Судебная практика: общетеоретическая характеристика // Legea si viata. 2016. Май. С. 25–29.
36. Боруленков Ю. П. Юридическое познание и усмотрение правоприменителя // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5. (16). С. 123–128.
37. Насыров Р. В. Судебная практика в системе форм институционализации права // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 1. С. 30–36.
38. Власова Г. Б., Власов В. И. Судебная практика: правоприменение и правотворчество // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 4 (83). С. 40–42.
39. Позиции судебного толкования в правовой системе России / Л. А. Гумеров, А. В. Краснов, Р. А. Шарифуллин // Российское правосудие. 2019. № 12. С. 14–22. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2072-909x.2019.12.14-22>

References

1. Dyuryagin, I. Yu. (1973). *Applying the norms of the Soviet law*. Sverdlovsk, Sred.-Ural'sk. kn. izd-vo (in Russ.).
2. Grevtsov, Yu. I., Kozlikhin, I. Yu. (2008). *Encyclopedia of law: tutorial*. Saint Petersburg, ID Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta; Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta (in Russ.).
3. Alekseev, S. S. (2009). *General theory of law: tutorial*. Moscow, Prospekt (in Russ.).
4. Bratus, S. N., Vengerov, A. B. (1975). Notion, content and forms of judicial practice. In S. N. Bratus, A. B. Vengerov (Eds). *Judicial practice in the Soviet legal system*. Moscow, Yurid. lit. (in Russ.).
5. Kartashov, V. N. (2010). Legal practice as an object (subject) of law science. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 1 (12), 13–23 (in Russ.).
6. Vilnyanskii, S. I. (1958). *Lectures on the Soviet civil law*. Kharkov, Izd-vo Khar'k. un-ta (in Russ.).
7. Mitskevich, A. V., Pigolkin, A. S., Pyatkina, S. A., Tille, A. A. et al. (1974). *Law-making in the USSR*. Moscow, Yurid. lit. (in Russ.).
8. Bezina, A. K. (2012). Judicial practice in the mechanism of legal regulation of labor relations. *Selected works in 5 vol*. Vol. 2 (pp. 65–202). Moscow, RAP (in Russ.).
9. Marchenko, M. N. (2009). *Judicial law-making and judicial law*. Moscow, Prospekt (in Russ.).

10. Boshno S. V. (2005). *Form of law: theoretical-legal research*, doctoral (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
11. Guk, P. A. (2012). *Judicial practice as a form of judicial norm-setting in the Russian legal system: general theoretical analysis*, abstract of doctoral (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
12. Lazarev, V. V. (2003). *Legal positions of the Russian Constitutional Court*. Moscow, Gorodets, Formula prava (in Russ.).
13. Minnikes, I. A. (2009). *Individual legal regulation (theoretical-legal analysis)*, abstract of doctoral (Law) thesis. Yekaterinburg (in Russ.).
14. Ershov, V. V. (2020). *Regulation of legal relations*. Moscow, RGUP (in Russ.).
15. Khabrieva, T. Ya., Lazarev, V. V., Gabov, A. V. et al. (2017). *Judicial practice in the modern Russian legal system*, monograph. Moscow, IZiSP; Norma; INFRA M (in Russ.).
16. Chestnov, I. L. (2012). Juridical practice from the viewpoint of postclassical methodology. *Social Sciences and Contemporary World*, 5, 164–168 (in Russ.).
17. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. (2021). Judicial practice in the law reality of Russia: experience of a comprehensive research. *RUDN Journal of Law*, 25 (3), 545–561 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-545-561>
18. Gubaeva, T. V., Krasnov, A. V. (Eds.) (2021). *Judicial practice in the Russian legal system: scientific sketches*. Moscow, RGUP (in Russ.).
19. Wesley-Smith, P. (1996). *The Sources of Hong Kong Law*. Hong Kong, Hong Kong University Press.
20. Zander, M. (2007). *Cases and Materials on the English Legal System* (10th ed.). N. Y., Cambridge University Press.
21. McCormick, D. N., Summers, R. S., Goodhart, A. L. (Eds.). (1997). *Interpreting Precedents: A Comparative Study*. N. Y., Routledge.
22. Thirlway, H. (2019). *The Sources of International Law* (2th ed.). Oxford, Oxford University Press.
23. Berger, P. L., Luckmann, T. (1991). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. N. Y., Penguin Books.
24. Hellman, D. (2013). An Epistemic Defense of Precedent. In Ch. J. Peters (Ed.). *Precedent in the United States Supreme Court* (pp. 63–76). Dordrecht, Springer.
25. Chestnov, I. L. (2020). Post-classical methodology of legal research. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2 (76), 14–21 (in Russ.).
26. Puzhaev, V. V. (2018). Law and judicial practice as sources of law in the doctrine of Emmanuel Levy. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4 (44), 415–422 (in Russ.).
27. Thomas, E. W. (2005). *The Judicial Process: Realism, Pragmatism, Practical Reasoning and Principles*. N. Y., Cambridge University Press.
28. Griffiths, J. (2016). The general theory of litigation: a first step. *Zeitschrift für Rechtssoziologie. The German Journal of Law and Society*, 4 (2), 145–201.
29. Nersesyants, V. S. (1997). The court neither makes law nor governs, but applies law (on law-enforcing nature of judicial acts). In B. N. Topornin (Ed.). *Judicial practice as a source of law* (pp. 34–42). Moscow, IGP RAN (in Russ.).
30. Vlasenko, N. A., Zaloilo, M. V. (2016). Concretization and Interpretation of Law as the Creative Content of Judicial Practice. *Journal of Russian Law*, 8, 43–57 (in Russ.). <https://doi.org/10.12737/20902>
31. Averin, A. V. (2008). Legal sense and juridical practice. *Leningrad Legal Journal*, 4 (14), 19–36 (in Russ.).
32. Mack, K., Anleu, S. R. (2010). Performing Impartiality: Judicial Demeanor and Legitimacy. *Law & Social Inquiry*, 35 (1), 137–173.
33. Guk, P. A. (2017). Overcoming the collisions of legislative acts by judicial bodies: theory, technique, practice. *Yuridicheskaya tekhnika*, 11, 132–134 (in Russ.).
34. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. (2021). Legal gap: phenomenological aspects. In N. N. Chernogor (Ed.). *Gaps in positive law: doctrine and practice: works of the 6th International scientific conference of theoreticians of law “Gaps in positive law: doctrine and practice” (Moscow, February 20–21, 2020)* (pp. 77–92). Moscow, IZiSP; Yurisprudentsiya (in Russ.).
35. Golovaty, V. Ya. (2016, May). Judicial practice: general theoretical characteristics. *Leges si viata*, 25–29 (in Russ.).
36. Borulenkoy, Yu. P. (2014). Legal knowledge and discretion of the law enforcer. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal*, 5 (16), 123–128 (in Russ.).
37. Nasyrov, R. (2022). Judicial practice in the system of law institutionalization. *Russian-Asian Legal Journal*, 1, 30–36 (in Russ.). <http://journal.asu.ru/ralj/article/view/%282022%291.4>
38. Vlasova, G. B., Vlasov, V. I. (2017). Judicial practice: law-enforcement and law-making. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 4 (83), 40–42 (in Russ.).
39. Gumerov, L. A., Krasnov, A. V., Sharifullin, R. A. (2019). Position of juridical interpretation in Law system of Russia. *Russian Justice System*, 12, C. 14–22 (in Russ.). <https://doi.org/10.17238/issn2072-909x.2019.12.14-22>

Вклад авторов

А. В. Скоробогатов – общая концепция статьи, аннотация, введение, основная часть, список литературы, подготовка статьи к публикации.

А. В. Краснов – аннотация, введение, основная часть, выводы.

The author's contribution

A. V. Skorobogatov – general concept of the article, abstract, introduction, main part, references, preparation of the manuscript for publication.

A. V. Krasnov – abstract, introduction, main part, conclusions.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 19.04.2022

Дата принятия в печать / Accepted 10.06.2022

Кабанов, П. А.

Стимулирование реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ : аналитический доклад. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 91 с. (Серия: Противодействие коррупции).

В аналитическом докладе представлены результаты исследования правового регулирования стимулирования реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ. Рассмотрены формы поощрения за правомерное антикоррупционное поведение, а также депоощрения лиц, ранее удостоенных региональных наград и совершивших впоследствии коррупционные деяния (преступления, административные правонарушения, проступки). Выявлены несоответствия между положениями регионального законодательства в вопросах поощрения и депоощрения как универсальных средств управленческого воздействия, а также предложены меры по его совершенствованию в целях повышения эффективности противодействия коррупции с использованием указанных средств.

Работа продолжает практику аналитических докладов НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева для органов публичной власти и по их обращению.

Доклад предназначен для лиц, реализующих государственную политику противодействия коррупции на любых ее уровнях, научных работников, преподавателей, обучающихся и всех, кто интересуется проблемами коррупции и противодействия ей. Выводы исследования представляются особенно актуальными для субъектов Российской Федерации.